

НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ В 1939–1945 гг.¹

© 2020 г. В. Б. Жиромская^{a,*}, В. А. Исупов^{b,c,**}, Г. Е. Корнилов^{d,***}

^a Институт российской истории РАН, Москва, Россия

^b Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия

^c Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия

^d Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

*E-mail: zhyromskaya@yandex.ru

**E-mail: vladimir_2004_@mail.ru

***E-mail: genakorn@mail.ru

Поступила в редакцию 15.06.2020 г.

После доработки 15.06.2020 г.

Принята к публикации 26.06.2020 г.

Статья посвящена оценке людских потерь в годы Великой Отечественной войны. В этих целях на базе значительного корпуса историко-демографических источников (переписей населения, данных учёта естественного движения населения, миграционного учёта) исследуется динамика численности населения РСФСР, её областей, краёв и автономных республик. Авторы предпринимают попытку представить погодную численность российского населения с 1939 по 1945 г. Составлены таблицы по численности населения тыловых и находившихся под оккупацией районов РСФСР.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, людские потери, динамика численности населения, естественное движение населения, миграционные перемещения.

DOI: 10.31857/S086958732009008X

Динамика численности населения в годы Великой Отечественной войны представляет большой интерес для исторической демографии. Сопоставление показателей на 1941 и 1945 гг. позволяет определить понесённые потери. Эти же цифры лежат в основе оценок естественного движения населения: без них невозможно рассчитать общие коэффициенты рождаемости, брачности,

смертности. Кроме того, в военные годы сведения о людских ресурсах использовались для определения мобилизационных возможностей страны.

Несмотря на очевидную научную и практическую значимость проблемы, а также на растущий интерес к исторической демографии, до настоящего времени так и не выяснено, как менялась численность жителей Советского Союза в изучаемый период. Один из ведущих отечественных демографов Л.Л. Рыбаковский привёл в своём исследовании 11 оценок, которые колеблются в диа-

¹ Статья перепечатывается из журнала «Российская история» (2019. № 3. С. 3–17).

ЖИРОМСКАЯ Валентина Борисовна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра истории территории и населения России ИРИ РАН. **ИСУПОВ** Владимир Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН, профессор НГУ. **КОРНИЛОВ** Геннадий Егорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий центром экономической истории Института истории и археологии УрО РАН.

пазоне от 194.1 млн до 200.1 млн человек на середину 1941 г. На начало 1946 г. существует 6 оценок: от 167 до 170.6 млн человек [1]. Ещё меньше мы знаем о том, какова была численность населения РСФСР. В книге Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковской опубликованы оценки на начало 1939, 1940, 1941 и 1946 гг. [2]. Однако погодные изменения показателя между 1941 и 1945 гг. так и не выяснены. Сегодня единственная работа, в которой поставлен этот вопрос, — коллективная многотомная монография сотрудников Российской академии наук “Население России в XX веке” [3].

Цифры на начало и конец войны интересуют исследователей прежде всего постольку, поскольку этот вопрос тесно связан со сложной проблемой определения масштабов людских потерь. Дискуссия на эту тему продолжается до сих пор. Одну из самых высоких оценок потерь привёл Б.В. Соколов, который утверждал, что между 22 июня 1941 г. и 1 января 1946 г. численность населения страны сократилась с 209.3 млн до 167, то есть на фантастические 42.3 млн человек [4, с. 241]. В феврале 2017 г. В.Н. Земцов оценил общую убыль ещё выше — в 52.8 млн, из них безвозвратные потери составили более 19 млн военнослужащих и около 23 млн гражданских лиц [5]. Первой реакцией на эту публикацию было возражение английского историка М. Харрисона: “Новая цифра не имеет оснований... война унесла 26–27 миллионов человек” [6]. В.Б. Жиромская также придерживается оценки убыли военных лет в 27 млн: 9.1 млн военнослужащих (в соответствии с цифрами Г.Ф. Кривошеева) и 18 млн гражданских. Сюда не включено “демографическое эхо” войны. В конце 2017 г. опубликованы предварительные оценки численности населения России и других союзных республик в 1939–1945 гг. [7, с. 46–53], которые, впрочем, нуждаются в уточнении. Однако в целом к настоящему времени исследователи с приемлемой степенью достоверности рассчитали погодные параметры количества жителей отдельных регионов РСФСР [8–16].

В настоящей статье приводятся более точные оценки, которые базируются на материалах ЦСУ СССР военных и послевоенных лет. Наша цель — рассмотреть имеющийся корпус источников историко-демографического характера, учесть в исчислениях особенности их формирования и погрешности учёта, по возможности заполнить лакуны.

Причин недостаточной исследованности проблемы обусловленных войной демографических потерь немало. Одна из главных — состояние источниковой базы. Численность и состав населения определяются на основе переписей, в межпереписные периоды они устанавливаются расчётным путём (к данным последней переписи

прибавляются родившиеся и прибывшие, а вычитаются умершие и выбывшие). Сложность состоит в том, что для исследуемого периода не хватает точных данных обо всех слагаемых расчёта.

Прежде всего укажем на фальсификацию в сторону завышения данных Всесоюзной переписи населения 1939 г. (170.5 млн человек), материалы которой являются отправной точкой расчётов количества жителей СССР на начало Великой Отечественной войны [17]. На основании опубликованных в 1990 г. двух секретных писем начальника Центрального управления народно-хозяйственного учёта (ЦУНХУ) И.В. Саутина от 10 февраля 1939 г. и письма Саутина и председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского от 21 марта того же года, адресатом которых был И.В. Сталин, известно, что подлинный результат переписи — 167.3 млн человек (включая данные спецпереписей наркоматов обороны и внутренних дел). Расхождение с официальным итогом составило 3.2 млн. Всё ли это число можно отнести к необоснованной приписке? Нет. Имело место оправданное добавление 0.2% (0.3 млн), предложенное сотрудниками НИИ ЦСУ (Научно-исследовательский институт по проектированию вычислительных центров и систем экономической информации Центрального статистического управления СССР) по результатам сопоставления данных переписи 1939 г. с результатами, полученными в 1937 г., и текущей статистикой. Эта поправка была связана с традиционным у некоторых этносов сокрытием малолетних детей и несовершеннолетних жён. С учётом этого численность населения СССР на январь 1939 г. составила 167.6 млн человек, а преднамеренная фальсификация — 1.7%, или 2.9 млн. Поправка затронула и население РСФСР: она составила 2.5 млн человек, а за вычетом заключённых и военнослужащих, перераспределённых внутри России, — 1.7 млн. Что касается оправданной приписки, то для Российской Федерации она оказалась меньше — 0.1% (около 100 тыс. человек), поскольку в России указанные явления отмечались значительно реже, чем по СССР в целом. Таким образом, по переписи 1939 г. население РСФСР составляло 109.4 млн, а после вычитания неоправданной приписки — 107.8 млн человек [17, с. 49].

По отдельным регионам России и СССР приписка оказалась “трёхслойной”. Первый её элемент — добавка к общему итогу, распределённая по всем районам и населённым пунктам. Второй — перераспределение переписных листов на заключённых, третий — на военнослужащих. Архивы позволили установить адреса их перераспределения по всем районам. Учитывая это, В.Б. Жиромская рассчитала подлинную численность населения всех районов и автономий РСФСР в 1939 г. По её мнению, средняя величина добавлений составила 2.1%, однако в районах, понёсших боль-

шие потери в период голода 1932–1934 гг., процент резко повышался — от 2.4 до 10.4. Приписки в большей мере распространялись на мужское население (2.8%), нежели женское (1%).

Серьёзная трудность связана с тем, что в распоряжении историков нет достаточно полных и достоверных сведений о родившихся и умерших, несмотря на то, что к концу 1930-х — началу 1940-х годов после ряда строгих мер утвердилась единая система учёта естественного движения населения. Первичный сбор сведений о числе рождений и смертей в городах проводили отделы ЗАГС, в сельской местности и рабочих посёлках их функции выполняли сельские и поселковые советы. Любой гражданин был обязан самостоятельно явиться и зарегистрировать рождение ребёнка или смерть родственника. По истечении каждого месяца районные ЗАГСы, с 1935 г. функционировавшие на правах отделов НКВД, составляли ведомость регистрации актов гражданского состояния в двух экземплярах. Один экземпляр направлялся в ЗАГС областного (краевого, республиканского) управления НКВД, второй — районному инспектору ЦСУ, который после проверки сведений адресовал их в областные (краевые, республиканские) статистические управления, откуда они (после суммирования данных по области, краю или автономной республике) поступали в ЦСУ. Таким образом, осуществлялась неоднократная проверка сведений, но результаты зависели от работы конкретного отдела.

К концу 1930-х годов органы учёта появились практически на всей территории РСФСР. Но полный охват населения не означал, что регистрировались все демографические события. Первичные записи оказывались неполными из-за того, что не всегда граждане являлись для фиксации рождений и смертей. Особенно это касалось регистрации случаев смерти в сельской местности, поскольку там не практиковалась выдача разрешений на похороны, а погребение проводилось в соответствии с местными традициями и сопровождалось отправлением религиозного обряда. В итоге формировалась погрешность. В 1940 г. коэффициент недоучёта в РСФСР составлял по родившимся 4%, по умершим 11% [2].

Но особо значительная погрешность допускалась при определении масштабов механического прироста населения. Первичными документами статистики миграционного движения в РСФСР являлись адресные листы и прилагавшиеся к ним отрывные талоны. Они заполнялись при прописке и выписке паспортов домоуправлениями, коммундантами общежитий и другими ответственными лицами и передавались в паспортные столы милиции. Последние предоставляли талоны инспекторам ЦСУ, которые после обработки данных по району передавали материалы в област-

ные, краевые и республиканские статуправления. Те, в свою очередь, направляли сведения о количестве прибывших и выбывших в ЦСУ, где выводились обобщённые сведения по стране.

Но на деле фиксация осуществлялась с пропусками. Колхозники были лишены паспортов, не выдавались они и единоличникам. Таким образом, перемещения значительной части сельского населения не регистрировались. Кроме того, имевшие паспорта не всегда оформляли прописку или выписку. Многим из них отказывали органы милиции, и они были вынуждены проживать в городах нелегально. Ещё в начале 1941 г. начальник отдела демографии ЦСУ СССР И.Ю. Писарев отмечал, что прописка производится не полностью, кроме того наблюдается значительная недовыписка, что ведёт к преувеличению прироста городского населения (см. указания к составлению предварительного расчёта общей численности населения на 1 января 1941 г. [18, л. 84–85]). С началом войны, когда в тыловые города хлынул многомиллионный поток беженцев, неразбериха усилилась. В письме от 26 августа 1941 г., адресованном начальникам территориальных статуправлений, Писарев отмечал: «Наибольшие трудности связаны с исчислением механического движения населения. При этом расчёте ни в коем случае не следует без критики принимать отчётные цифры, так как материалы милиции о прописке и выписке могут оказаться неточными» [18, л. 137]. Выявление масштабов механического прироста населения затрудняло распоряжение Главного управления милиции от 24 ноября 1941 г., отменившее заполнение отрывных талонов на эвакуированных [19, л. 18].

Сбой в работе органов статистики обусловливался территориальными перемещениями миллионов людей (эвакуация, мобилизация и т.д.), значительным повышением смертности, изменениями границ учёта в связи с оккупацией западных территорий страны. Отдельные учреждения временно прекратили работу в связи с переездом на восток. Только 31 декабря 1941 г. последовало распоряжение начальника ЦСУ СССР В.Н. Старовского о преодолении беспорядка в учёте. Адресованное руководителям региональных статуправлений, оно устанавливало сроки предоставления оперативной группе ЦСУ, эвакуированной в Куйбышев, важнейшей информации. Строго предписывалось 1–5 числа каждого месяца телеграфно направлять предварительный расчёт численности населения. Не позднее 20 числа каждого месяца необходимо было почтовым отправлением сообщить уточнённый расчёт [18, л. 177]. Этим сведениям придавалось особое значение. «Работа по статистике населения должна стать одной из основных в работе областных (краевых, республиканских) статуправлений», — писал Старовский 7 февраля 1942 г. [20, л. 34]. Подчёркивая

важность ежемесячных расчётов, И.Ю. Писарев, ставший к тому времени заместителем главы ЦСУ, в письме от 15 июня 1943 г. подчёркивал: “Расчёты должны обязательно детально проверяться начальником статистического управления и должны представляться в вышестоящие статистические управления за подписью начальника” [21, л. 19].

Власти принимали строгие меры для улучшения учёта. Так, в 1943 г. было восстановлено заполнение отрывных листков на эвакуированных [22, с. 39]. Аккуратнее относиться к оформлению прописки вынуждало введение карточной системы, так как от этого зависело получение продуктовых карточек. Важную роль играло распределение эвакуированных, направляемых на подселение в жилые помещения. Во избежание перенаселённости граждане должны были строже соблюдать правила. Большое значение имело ужесточение паспортного контроля. Органы милиции организовывали контрольные обходы жилищ и даже облавы в местах скопления людей, проверяя паспорта и выявляя граждан, проживавших без прописки. Нарушение паспортного режима считалось уголовным преступлением и каралось по ч. 1 ст. 192-а УК РСФСР. Перечисленные меры несколько улучшили состояние учёта, но кардинально исправить ситуацию не позволяли. До самого конца войны регистрация механического движения населения велась со значительными погрешностями.

Вместе с тем появились дополнительные методы учёта, которые давали статистикам возможность сократить величину ошибок. В сельской местности опорными были данные похозяйственного учёта, проводившегося сельсоветами. В специальных книгах фиксировались колхозники, рабочие, служащие, кооперированные и некооперированные кустари, единоличники и др. Учитывались воспитанники сельских детских домов и пансионеры домов инвалидов. С января 1943 г. фиксировались и временно проживавшие, в их числе отдельно отмечались эвакуированные. Книги заполнялись секретарями сельсоветов в ходе подворных обходов, которые осуществлялись 2 раза в год — 1 января и 1 июля. В сущности, проводилась своего рода микроперепись, дававшая приемлемые сведения [23, с. 205, 206; 24, с. 260–262]. На основании указания заместителя председателя СНК СССР В.М. Молотова Старовский 21 ноября 1942 г. издал приказ, согласно которому статистикам с 1 января 1943 г. разрешалось использовать материалы сельсоветского учёта для определения количества жителей как по стране в целом, так и по её отдельным регионам. Этим же приказом утверждалась форма “С”: “Единовременный отчёт о возрастном и половом составе сельского населения” [25, л. 13]. Таким об-

разом, статистики значительно расширили информационную базу по учёту сельского населения.

В городских поселениях учёт имел свои особенности. Здесь сильной стороной оказалась регулярная сверка с данными карточных бюро. С 1 января 1943 г. с целью упорядочить выдачу продкарточек и пресечь злоупотребления вводились индивидуальные стандартные справки. Лица, не оформившие их, лишались карточек. Статистики учитывали и группы, которые не получали карточек, но состояли на гособеспечении: детей в детских домах, инвалидов, граждан, находившихся в больницах, и т.д. Сведения о них предоставляли руководители этих учреждений. Таким образом, с начала 1943 г. учёт в городах не только улучшился, но и стал тотальным.

Большие трудности для расчётов численности населения страны представляли изменения её внешних границ. В отличие от Советского Союза в целом, чьи внешние границы после 17 сентября 1939 г. заметно расширились, изменения границ РСФСР в 1939 — июне 1941 г. были незначительными. Но после начала войны из сферы контроля органов советской статистики выпали оккупированные районы. Если в 1940 г. учёт в РСФСР охватывал 108.8 млн человек [26, л. 57], то к декабрю 1941 г. на неоккупированной территории осталось приблизительно 73 млн [27, л. 1]. Через год, к декабрю 1942 г., эта цифра сократилась до 68 млн [28, л. 4]. В последующем наступление Красной армии, напротив, расширяло учётные территории, где работа статорганов возрождалась в соответствии с постановлением СНК СССР от 4 марта 1943 г. “О восстановлении учёта и отчётности в районах, освобождённых от немецко-фашистских оккупантов” [29, с. 3]. В декабре 1943 г. в РСФСР контролировалось примерно 76 млн человек [30, л. 159].

Для расчётов численности населения большое значение имели частые изменения административно-территориального деления. Их требовалось учитывать обязательно, поскольку в военные годы происходило дробление крупных регионов. Так, в 1940 г. в РСФСР имелось 52 единицы управления (36 краёв и областей и 16 автономных республик), а в 1945 г. — уже 73 (61 край и области и 12 автономных республик) [31, с. 7; 32, с. 10]. Яркий пример — Новосибирская область, из состава которой в военные годы были выделены Кемеровская и Томская области, и если в границах довоенных лет её площадь составляла 582 тыс. км², то в конце войны — немногим более 178 тыс. [10, с. 9].

На соотношение численности городских и сельских жителей большое воздействие оказывали административный перевод некоторых сельских населённых пунктов в городские, создание новых городов и рабочих посёлков, утрата некоторыми городскими поселениями своего статуса.

В 1942–1945 гг. в СССР (без присоединённых в 1939–1940 гг. территорий) появилось 73 города и 265 посёлков городского типа. Из 73 новых городов 59 ранее являлись посёлками городского типа, 10 превратились в города непосредственно из сельских населённых пунктов, 4 возникли что называется на пустом месте. В годы войны 20 посёлков городского типа слились с городами в результате расширения территории последних, 1 город был преобразован в посёлок городского типа, а 6 таких посёлков “разжалованы” в сельские поселения [33, с. 76–78].

Чтобы контролировать административно-территориальное устройство, статистики вели специальную картотеку. Туда заносились изменения, влиявшие на увеличение или уменьшение числа жителей или на баланс городского и сельского населения в районах, областях, краях, республиках [34, л. 1]. От тщательности ведения картотеки зависело многое и, учитывая важность работы, в отделе демографии ЦСУ в 1944 г. разработали на этот счёт специальные инструктивные указания [35, л. 27].

В итоге к 1943 г. сложилась матрица, на основании которой велись ежемесячные расчёты заселённости отдельных регионов. Применяя её, местные статистики получали приемлемые сведения. Затем материалы передавались в центральные статорганы для получения сводных данных по стране. Приведём образец расчёта количества жителей тылового района РСФСР на 1 января 1944 г. [36, л. 9].

I. Форма “Н”: расчёт на основе текущей регистрации естественного и механического движения населения.

	Городское	Сельское	Всего
1. Численность населения на 1 декабря 1943 г.	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.
2. Естественный прирост за декабрь	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.
3. Прибыло за декабрь	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.
4. Выбыло за декабрь	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.
5. Изменения за счёт административно-территориальных преобразований	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.
6. Численность населения на 1 января 1944 г.	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.
В том числе прибывшие по эвакуации	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.

II. Вспомогательный расчёт городского населения на основе индивидуальных стандартных справок для получения хлебных карточек.

A. Число всех выданных за январь хлебных карточек.

B. Число карточек, выданных лицам, которые не должны входить в численность наличного городского населения (минус).

B. Число городских жителей, не получающих хлебных карточек (плюс).

Г. Численность наличного городского населения на 1 января (после сверки с данными формы “Н”) – тыс. человек.

	Число наличных хозяйств (по данным сельсоветского учёта)	Численность населения (итоговая)
I. Городское	X	тыс. чел.
II. Сельское	тыс.	тыс. чел.
а) колхозники	тыс.	тыс. чел.
б) единоличники	тыс.	тыс. чел.
в) другие группы	тыс.	тыс. чел.
Итого сельское население	тыс.	тыс. чел.
Всего (I + II)	X	тыс. чел.

III. Форма “Р” (итоговая). Численность городского и сельского населения.

Изучив архивные документы ЦУНХУ (с марта 1941 г. – ЦСУ) СССР, мы пришли к выводу, что, несмотря на проблемы с сопоставимостью данных и наличием погрешностей при учёте, сведения за 1940–1945 гг. имеют достаточную степень достоверности. Таким образом, в распоряжении историков – динамика численности населения РСФСР и отдельных её регионов в годы Второй мировой войны. По освобождённым от неоправданных приписок итогам Всесоюзной переписи население РСФСР насчитывало в январе 1939 г. 107.8 млн человек [37, с. 23]. Но 31 марта 1940 г. Карельская АССР получила статус союзной республики. В границах, сопоставимых с границами на 31 марта 1940 г., в России в январе 1939 г. проживало бы 107.3 млн человек. На базе этих данных работники ЦСУ СССР провели расчёты количества жителей на начало 1940 и 1941 гг. (табл. 1).

По расчётам Андреева, Дарского и Харьковской, население РСФСР на начало 1940 г. составляло 109.7 млн, а на начало 1941 г. – 111 млн человек [2]. Стоит отметить, что современные оценки, даже при наличии более или менее существенных уточнений, вполне согласуются с оценками статистиков начала 1940-х годов. Получить цифры

Таблица 1. Динамика численности населения РСФСР в годы Второй мировой войны по оценкам ЦСУ СССР на основе данных региональных статистических управлений, тыс. человек

Дата	Оценки ЦСУ СССР			Оценки с учётом коррекции данных		
	городское население	сельское население	всего	городское население	сельское население	всего
1 января 1940 г.*	38298.1	72193.1	110491.2	37915	71471.1	109386.1
1 января 1941 г.*	39272.5	72266.9	111539.4	38879.8	71544.2	110424
1 января 1942 г.**	33620.2	57159.9	91159.9	33284	56588.3	89872.3
1 января 1943 г.**	28833.2	49791.8	78625	28544.9	49293.9	77838.8
1 января 1945 г.**	34324	55992	90316	33977.8	55432.1	89409.9
1 мая 1945 г.**	34905.5	53068	87973.5	34556.4	52537.3	87093.7
1 сентября 1945 г.**	35387	53326	88713	35033.1	52792.7	87825.8

Подсчитано по: [41, л. 2 об., 31–31 об., 60 об.; 42, л. 40; 43, л. 113; 38, л. 17, 18, 111, 112; 39, л. 119, 120, 121].

* В сопоставимых границах РСФСР 1941 г., включая армию, госпитали и спецконтингент.

** Без оккупированных территорий, армии, госпиталей и спецконтингента.

Таблица 2. Численность населения СССР и РСФСР по оценке ЦСУ СССР, тыс. человек

Территория	1 января 1941 г.			1 января 1945 г.*		
	городское население	сельское население	всего	городское население	сельское население	всего
СССР	65304	133284	198588	51961	102676	170637*
РСФСР	39304	72441	111745	34992	55992	90316**

Подсчитано по: [39, л. 119].

* В том числе не распределено по территории 16 млн человек.

** Без нераспределённых по территории.

такой степени точности в условиях неполной регистрации демографических событий – большое достижение статистической науки тех лет. Однако в настоящее время необходимо внести коррекцию в интервале 0.9–1.4% в сторону уменьшения представленных данных

Ещё в годы войны работники центральных статистических органов, имея в виду изменения территориально-административного деления страны, проделали несколько пересчётов. Согласно оценке конца 1943 г., население РСФСР на начало 1941 г. составляло 111.5 млн человек [38, л. 111], при переоценке 1945 г. – 111.7 млн [39, л. 119]. Основная причина изменений – более детальный учёт миграционных перемещений.

Но если оценки численности населения РСФСР на начало и конец Второй мировой войны сопоставимы, то обнаруженные нами данные за 1942–1944 гг. друг с другом не соотносятся. Во-первых, из-за того, что в цифры по переписи 1939 г. и расчётам на 1940 и 1941 гг. включалась численность вооружённых сил, военнослужащих в госпиталях, а также спецконтингент. В 1942–1945 гг. эти группы учитывались отдельно как “нераспре-

делённые по территории”, а в документах стоит пометка: “Без армии, госпиталей и спецконтингента”. Во-вторых, статистики сталкивались с очевидной несопоставимостью данных в территориальном аспекте, так как учётные территории в связи с оккупацией быстро и значительно менялись.

В 1945 г. статистики (очевидно, с целью установить потери военных лет) ещё раз вернулись к расчётам численности населения на начало и конец войны. На этот раз были приняты во внимание лица, нераспределённые по территории (за исключением депортированных в Германию). Из результатов следует, что население СССР в указанные годы сократилось на 27.9 млн человек (табл. 2). Это очень приблизительные оценки.

Как уже говорилось, при сопоставлении погодных данных численности населения РСФСР за 1941–1945 гг. возникают определённые трудности. Следует учитывать, что точно определить количество военнослужащих, солдат и офицеров в госпиталях и спецконтингента, дислоцированных на территории собственно РСФСР в 1941–1945 гг., не представляется возможным. В этих условиях мы предлагаем оценочный расчёт по отдельным регионам республики (табл. 3).

Таблица 3. Динамика численности населения отдельных территорий РСФСР (оценка ЦСУ ССРСР), тыс. человек*

Экономический район**	1 января 1941 г.			1 января 1943 г.***			1 мая 1945 г.		
	городское население	сельское население	всего	городское население	сельское население	всего	городское население	сельское население	всего
Север и Северо-Запад, в том числе Ленинград	5209.5	4906.3	10115.8	8601	2205.8	3065.9	73.2	3016.9	5290.1
Центр, в том числе Москва	3155	—	3155	690	—	690	1027	—	1027
Центрально-Черно- зёмный район	12031.3	19165.7	31197	5108.4	9828.8	14937.2	9687.1	13984.6	23671.7
Волго-Вятский район	4357.8	—	4357.8	2743.6	—	2743.6	3361	—	3361
Поволжье	995.2	4345.4	5340.6	283	1273.2	1557	801.8	3234.3	4036.1
Юг (Северный Кавказ)	1987.2	7033.2	9020.4	2223.4	6398.3	8621.7	2206	4937	7143
Крымская АССР	3752	9311.7	13063.7	3332.2	6653	9985.2	3795	7004.9	10799.9
Урал	3240.2	7443.1	10683.3	563.5	1437.1	2000.6	2392.5	5253.7	7646.2
Сибирь	614.1	566.1	1180.2	—	—	—	264.3	305.5	569.8
Дальний Восток	5236.3	8736.1	13972.4	6611.4	8750.1	15361.5	6360.2	6534.3	12894.5
	4814	9709	14523	5494.5	9105.4	14599.9	5520.8	7566.9	13087.7
	1539.5	1621.7	3161.2	1577.5	1528.2	3105.7	1604.6	1229.6	2834.2

Подсчитано по: [44, л. 53–54 об.; 39, л. 119–122].

* По административно-территориальному устройству 1945 г.

** Экономическое районирование 1945 г.

*** Без районов, подвергшихся оккупации.

Таблица 4. Численность населения территорий РСФСР, находившихся под оккупацией, тыс. человек*

I. Оккупированные полностью						
Территория	1 января 1941 г.		1 января 1944 г.		1944 г. в % к 1941 г.	
	Ростовская обл.	2 979.2		2 177.6		73.1
Ставропольский край	1 758.8		1 345.7		76.5	
Курская обл.	2 958.9		2 376.9		80.3	
Орловская обл.	1 663.1		1 135.8		68.3	
Смоленская обл.	1 942.8		1 025.4		52.8	
Крымская обл.	1 180.2		484**		41	
Кабардинская АССР***	367.2		314.6		85.7	
Брянская обл.	1 790.8		1 187.9		66.3	
Великолукская обл.	1 031.4		324.9		31.5	
Псковская обл.	784.6		290.6**		37	
II. Оккупированные частично						
Территория	1 января 1941 г.		1 января 1944 г.		1944 г. в % к 1941 г.	
	всего	в оккупированных районах	всего	в оккупированных районах	всего	в оккупированных районах
Воронежская обл.	3513.3	2158.4	2 558	900.9	72.8	41.7
Тульская обл.	1628	1322.2	1190.1	794.5	73.1	60.1
Сталинградская обл.	1879.8	276	1322	199	70.3	72.1
Астраханская обл.	784.8	58.6	564.5	18.5	71.9	31.6
Краснодарский край	3239.9	3 055.9	2 399.9	2286.1	74.1	74.8
Московская обл.	5387.4	1796.2	3 807.4	1202.7	70.7	67
Ленинградская обл.	1547.3	1098.2	213.3	55.8	13.8	5.1
Новгородская обл.	1165.5	473.3	391.8	72.6	33.6	15.3
Калининская обл.	2156.1	900.7	1572.7	499.5	72.9	55.5
Северо-Осетинская АССР	496.7	194.2	413.8	170.4	83.3	87.7
Грозненская обл.	644	86	481.7	49.2	74.8	57.2

Подсчитано по: [41, л. 9–10].

* Ориентировочные расчёты ЦСУ СССР в административных границах на начало 1945 г.

** На 1 июля 1944 г.

*** Без территории компактного проживания балкарцев.

Во всех без исключения регионах отмечается убыль населения. Особенно сильно пострадали Север и Северо-Запад (включая Ленинград), центр (включая Москву), Центральное Черноземье, а также Юг, которые были зоной военных действий, подверглись полной или частичной оккупации. Жители этих территорий бежали на восток или пострадали от геноцида, репрессий оккупационных властей, высокой смертности вследствие тяжёлых условий жизни, голода и болезней. Мы располагаем расчётами ЦСУ СССР, которые конкретизируют число людских потерь в регионах, подвергшихся оккупации (табл. 4).

Население городов, оказавшихся в районах боевых действий, резко сократилось. На начало января 1941 г. в Ленинграде проживало 3155 тыс. человек. В годы войны город испытал настоящую демографическую катастрофу: к 1 января 1942 г. его население сократилось до 1900 тыс. человек, к 1 января 1943 г. — до 690 тыс. Накануне снятия блокады (начало января 1944 г.) в нём оставалось (без армии, госпиталей и спецконтингента) лишь 558 тыс. человек, то есть убыль оказалась почти шестикратной. Впрочем, к концу войны в Ленинграде проживало уже 1027 тыс. человек.

Уменьшилась в первые военные годы населённость ранее быстро разраставшейся Москвы.

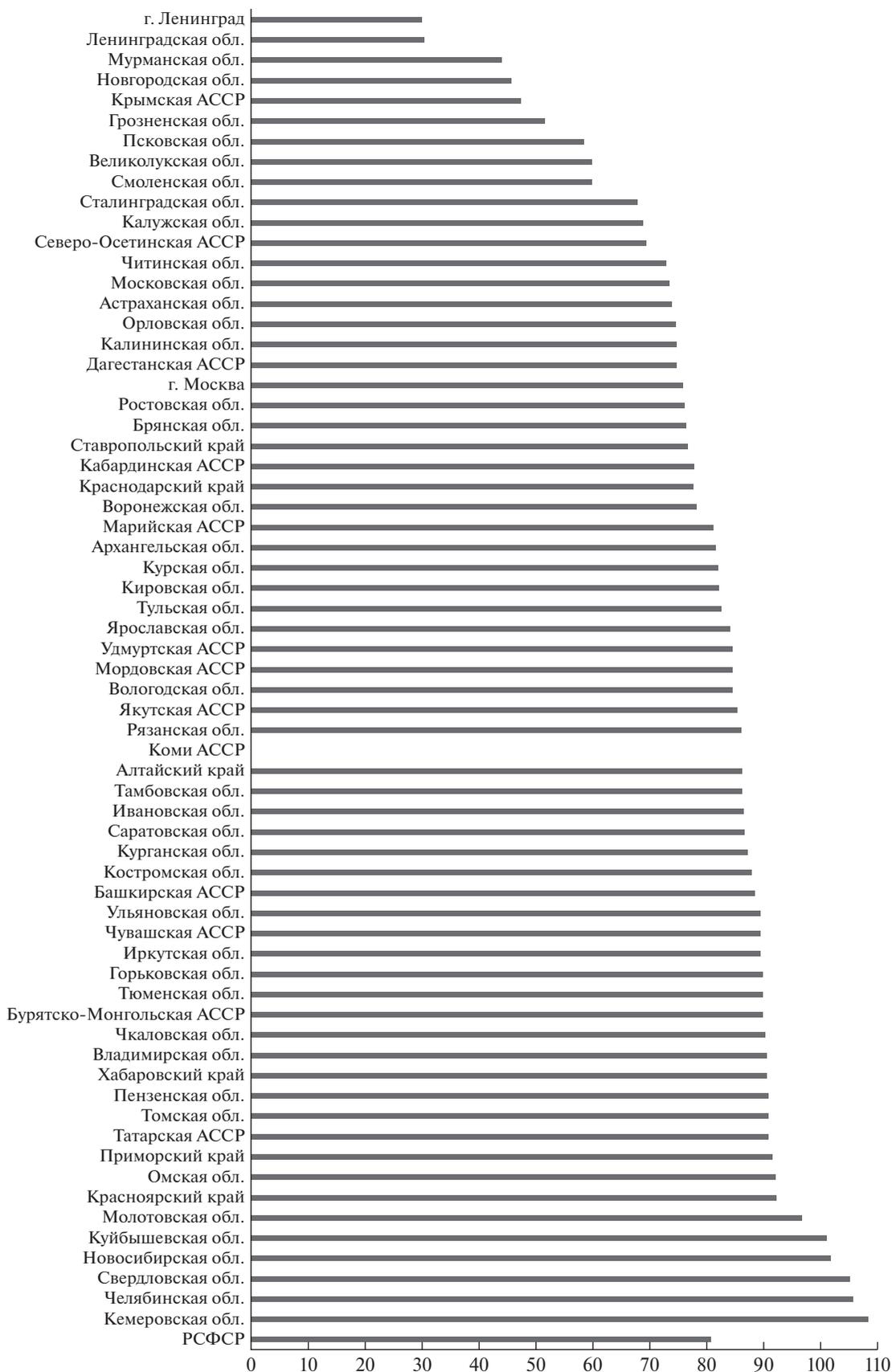

Рис. 1. Всё население РСФСР в 1945/1941 гг., %

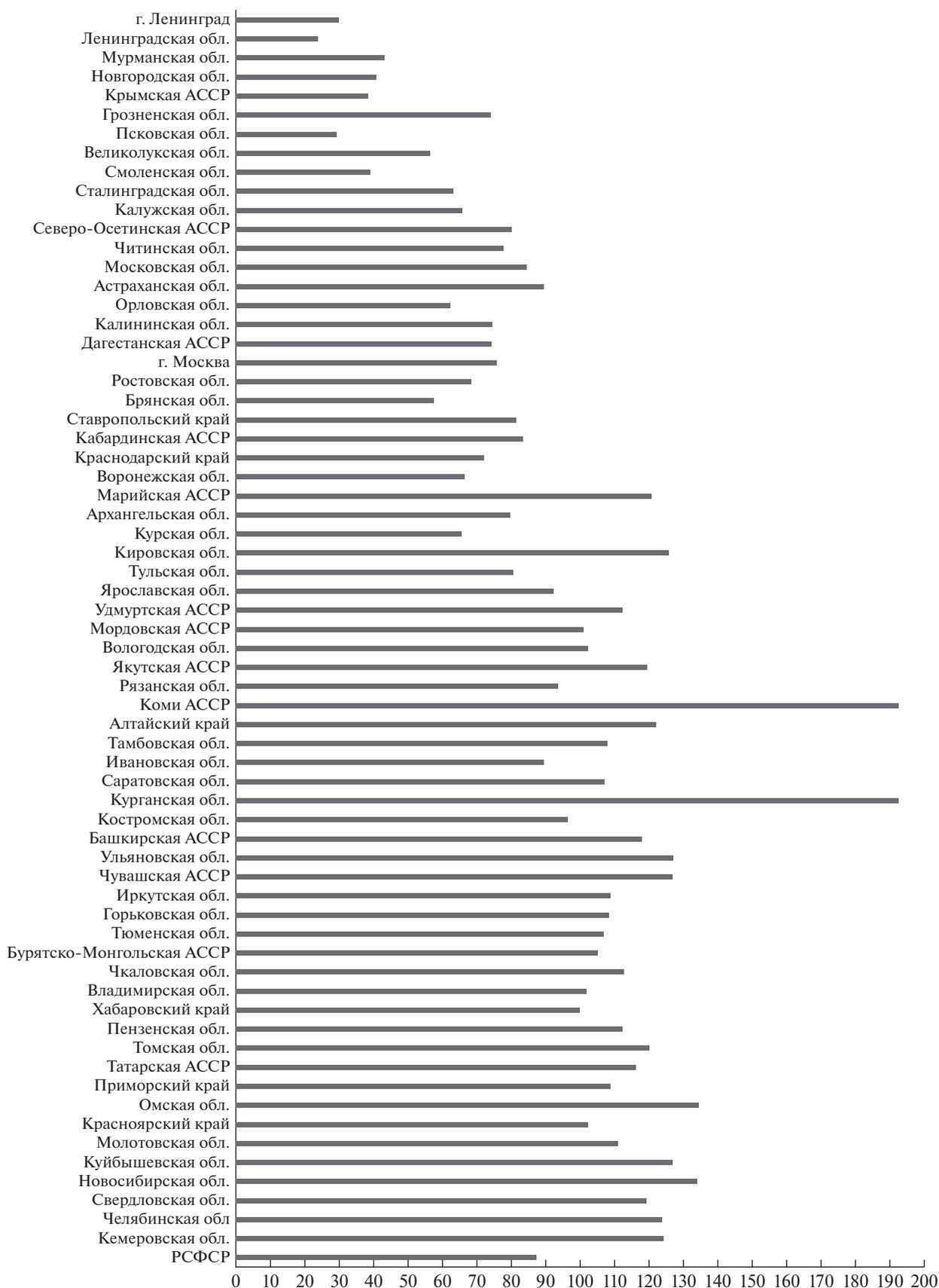

Рис. 2. Городское население РСФСР в 1945/1941 гг., %

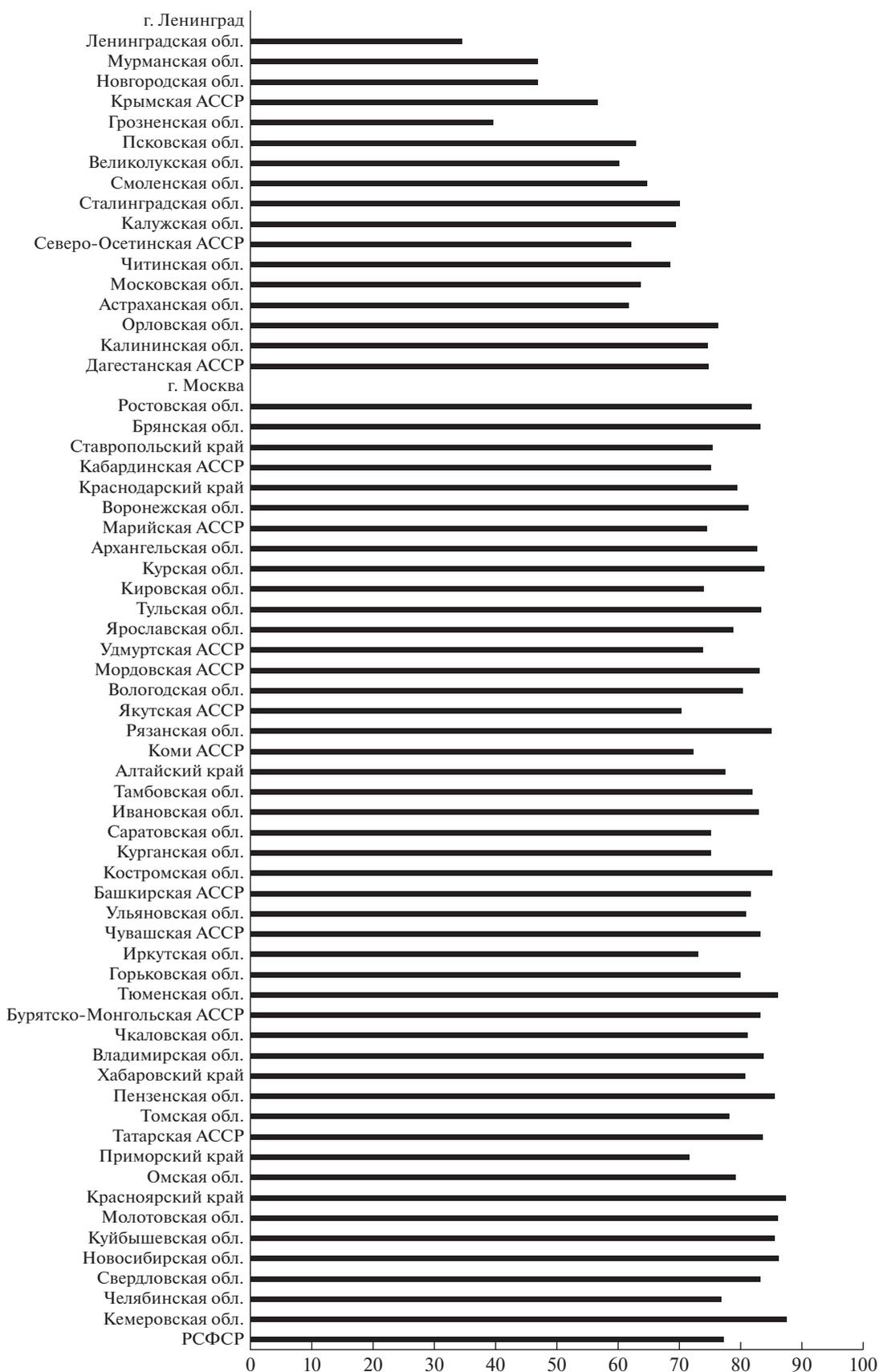

Рис. 3. Сельское население РСФСР в 1945/1941 гг., %

Значительная часть жителей столичного региона была эвакуирована в тыл. К 1 января 1942 г. в самом городе оставалось всего 2361.5 тыс. человек [38, л. 111, 168]. После разгрома немецко-фашистских войск его население начало быстро восстанавливаться, и на 1 января 1943 г. насчитывалось уже 2743.6 тыс. жителей (см. табл. 3).

Диаграммы (рис. 1, 2, 3) демонстрируют соотношение численности населения по областям, краям и автономным республикам РСФСР по состоянию на 1 января 1945 г. относительно 1 января 1941 г. В тех тыловых регионах, которые превратились в крупные центры военного производства, численность горожан увеличилась. Туда переместились промышленные предприятия, в первую очередь оборонного значения, часть квалифицированных рабочих и ИТР. Персонал заводов в ходе трудовых мобилизаций и стихийных миграций пополнялся сельской молодёжью. Население росло и за счёт эвакуированных и беженцев. В 1941–1943 гг. восточные районы в ходе эвакуации приняли около 6 млн граждан [40, с. 115]. Вместе с тем темпы роста численности горожан в военные годы по сравнению с мирным периодом заметно сократились даже в индустриальных центрах. Причиной тому стали воинские мобилизации и отрицательный естественный прирост населения.

Но если города испытывали демографический кризис, то деревня, которая вынесла на своих плечах непомерную тяжесть войны, пережила подлинную демографическую катастрофу. Её население, являвшееся главным источником людских ресурсов для военной и трудовой мобилизации, заметно сократилось. Изменился возрастной и половой состав, в котором резко выросла доля женщин, детей и мужчин пожилого и престарелого возраста. Сокращение и изменение демографической структуры села наблюдалось во всех областях и республиках РСФСР, его демографический потенциал оказался существенно подорван.

Необходимо отметить, что общая численность населения сократилась во всех без исключений союзных республиках, но особенно значительно — в тех из них, где проходили боевые действия и которые находились в оккупации. К началу 1945 г. убыль отмечалась: в Карело-Финской ССР — на 371 тыс. (67.7%); Латвии — на 787 тыс. (41%); Украине — на 13 300 тыс. (32.5%); Белоруссии — на 2774 тыс. (29.8%); Молдавии — на 528 тыс. (20.8%); Эстонии — на 210 тыс. (19.8%); Литве — на 597 тыс. (19.7%); РСФСР — на 21 429 тыс. (19.2%).

Представленные в статье данные позволяют восстановить динамику численности населения в военные годы в России в целом и ряде её регионов. Война оказала воздействие на все стороны

жизни страны, в первую очередь на демографическую подсистему общества. По расчётам статистиков военного времени, с начала 1939 г. до 1 сентября 1945 г. численность жителей РСФСР сократилась приблизительно на 21.5 млн человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. <http://rybakovsky.ru/demografia4.html>
2. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Демографическая история России: 1927–1957. http://demoscope.ru/weekly/knigi/andr_dars_khar/adk.html
3. Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3 т. Т. 2. 1940–1959 / Под ред. Ю.А. Полякова, В.Б. Жиромской. М.: РОССПЭН, 2001.
4. Соколов Б.В. Цена войны: людские потери СССР и Германии, 1939–1945 гг. // Тайны Второй мировой. М.: Вече, 2000.
5. Вечерняя Москва. 2017. 19 февраля.
6. Harrison M. Counting the Soviet Unions War Dead: Still 26–27 Million. https://www.academia.edu/33190310/Counting_the_Soviet_Unions_War_Dead_Still_26-27_Million
7. Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Численность населения России в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. С. 46–53.
8. Ткачёва Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Владивосток: Дальнаука, 2010.
9. Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург: Уралагропресс, 1993.
10. Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х — конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука, 1991.
11. Безносова Н.П. Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сыктывкар: УрО РАН, 2003.
12. Уваров С.Н. Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект. Ижевск: ФГБОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2014.
13. Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.). Якутск: Изд-во СО РАН, Якутский филиал, 2000.
14. Чернышёва Н.В. Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров: Изд-во Вятского гос. гуманитарного ун-та, 2012.
15. Бельков А.В., Заболотская К.А. Очерки по истории населения Кузбасса в новейший период отечественной истории. Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 2015.
16. Сакаев В.Т., Телишев В.Ф. Городское население Татарстана в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические и политико-демогра-

- фические аспекты. Казань: Изд-во Казанского университета, 2016, 2015.
17. *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001.
 18. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 239.
 19. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1025.
 20. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 340.
 21. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 404.
 22. Указания районному (городскому) инспектору ЦСУ Госплана СССР по организации и ведению статистической работы в районе (городе). М., 1943.
 23. Пособие по статистике для районных и участковых инспекторов ЦСУ Госплана СССР. М.; Куйбышев, 1943.
 24. Пособие по статистике для районных и участковых инспекторов ЦСУ Госплана СССР. М., 1945.
 25. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 314.
 26. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 402.
 27. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 553.
 28. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 794.
 29. Материалы и указания по организации учёта и статистики в областях и районах, освобождённых от немецко-фашистских оккупантов. М., 1944.
 30. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 796.
 31. РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 апреля 1940 г. М.: Изд-во “Ведомостей Верховного Совета РСФСР”, 1940.
 32. РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1945 г. М., 1945.
 33. *Константинов О.А.* Новые городские поселения СССР периода Великой Отечественной войны // Научные записки Ленинградского финансово-экономического института. Вып. 12. Л., 1956. С. 67–187.
 34. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 189.
 35. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 471.
 36. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 479.
 37. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М.: Наука, 1992.
 38. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1452.
 39. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2219.
 40. *Корнилов Г.Е.* Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 112–121.
 41. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 564.
 42. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 391.
 43. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 406.
 44. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 241.